

Пассажирский поезд прибыл на станцию Сачки неестественно точно, как щепетильный влюбленный на свидание, – ни минутой раньше, ни минутой позже. Был август, и перрон в одно мгновение превратился в филиал городского рынка. Поезд атаковали торговцы жареной рыбой, огурцами, помидорами и просто луком. Поезд стоял здесь только десять минут.

Лишенные, таким образом, профессионального наслаждения поторговаться, продавцы холодной закуски сердито выкрикивали готовые уже цены. Пассажиры, напротив, выходили веселые и бодрые. Им нравилось после безысходного лежания и сидения прогуливаться на свежем воздухе и покупать свежие овощи. Однако два молодых человека сошли на перрон без всяких признаков удовольствия. На их лицах менялись нерадужные цвета досады, сожаления и беспокойства. Тесный и накуренный вагон имел одно преимущество перед изобилующим солнцем, свежим воздухом и холодной закуской перроном: вагон двигался со скоростью тридцать пять километров в час, перрон оставался на месте. Молодых людей сопровождал железнодорожный служащий Иван Карпович Пеших, который любезно указывал им дорогу к небольшому желтого железнодорожного цвета домику против первых вагонов стоящего поезда.

– Влипши? – сочувственно спросила их женщина с корзинкой созревающих помидоров и тут же посоветовала: – Купите помидорчиков..

Молодые люди остались к этому, как и ко всему происходившему вокруг, отсутствующе-безучастными. В программу их поездки, как видно, вовсе не входило приобретение помидоров и посещение железнодорожной администрации на станции Сачки... В вагон ревизор вошел перед станцией Сачки. Был он весел, вежлив и предупредителен. Казалось, его работа заключалась не в том, чтобы вылавливать безбилетников, а в том, чтобы убеждаться, что все пассажиры едут в этом поезде с билетами. Такая постановка дела смутила, сбила с толку и с головой выдала двух цветущих молодых людей с верхней полки. Быстро выяснилось, что они едут без билета в первый раз, что на уплату штрафа они по неопытности не захватили денег и что, если товарищ ревизор так настаивает, они могут сойти через три остановки.

Сдержанный ревизор не стал спрашивать, почему именно через три, он высадил молодых людей при первой возможности, поручив представить их станционной

администрации Ивану Карповичу Пеших, который оказался в этом поезде и который сам ехал на станцию Сачки. Это не входило в обязанности Ивана Карповича Пеших – курьера из областного управления дороги, но он согласился. Иван Карпович был уже очень стар и мог работать только курьером. Был он очень добр. И можно было подумать, что два здоровых парня, которых он вел по перрону, не сбегут от него только из уважения к его сединам.

– Хотите железную дорогу превратить в трамвайную линию? – строго начал он. – Ничего не выйдет. Здесь штраф посolidнее. Молодые люди заметно осунулись. Иван Карпович заметил бедственное состояние их духа и сменил тональность:

– Что же это вы? Такие представительные и... без билета. Стыдно вам! Это мальчишка, сорванец, ума своего нету или безобразия одни на уме, ну тот – ладно, а вы? Стыдно вам!

– Стыдно, – согласился один из юношей, потупив взор.

– Еще ладно, – продолжал Иван Карпович с увлечением, – еще ладно, что не стали болтаться на подножкам и бегать по вагонам, а то ведь... Вот рассказывал мне Петр Петрович, был случай недавно. Парень, тоже молодой, вроде вас, по вагонам бегал и... нет его. И все из-за какого-то билета. Да самая непутевая жизнь дороже билета хоть на край земли! Иван Карпович многозначительно осмотрел аудиторию и остался доволен впечатлением, произведенным своими словами.

Оба лица выражали скорбь по человеческой жизни, которая во много раз дороже любых железнодорожных тарифов, раскаяние в собственном легкомыслии и торжественное обещание не подвергать себя больше опасностям и штрафам.

– Нам денег не жалко, – твердо сказал один из молодых людей.

– У нас их нет, – скорбно добавил другой. Искренность интонаций ранила доброго старика. Он посмотрел снова на мученические лица своих невольников. Эти, недавно еще цветущие юноши увядали у него на глазах. Ему вдруг пришло на ум, что и сам он – высохший до неузнаваемости цветок, и у него только заныла берцовая кость и к горлу подступила теплая волна сентиментальности.

– Дети! – выдохнул старик. – Берегите, дети, свою молодость прежде всего! Я вот... Иван Карпович сказал, что он не какой-нибудь деспот или формалист, что он видит: они славные ребята, что вышло нехорошо, но что все может выйти, что молодости многое прощается, что... В конце концов Иван Карпович предложил им денег для телеграммы, пригласил пообедать с ним в буфете, «где не грех взять по маленькой» или «грех не взять».

– Людей надо понимать и жалеть, – закончил он, – люди всегда это оценят. Все трое, растроганные и отуманенные живительными карами добра и благодарности, стояли у входа в станционный буфет. И в это время раздался паровозный сигнал. Компания замерла. Потом все трое переглянулись, и... молодые люди молча бросились к отходящему поезду. Они успели.

Железнодорожная интермедия

Добавил(а) Александр Вампилов

14.03.10 11:27 - Последнее обновление 14.03.10 11:31
